

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК**

125009, МОСКВА, МОХОВАЯ УЛ., 11-3
ТЕЛ.: +7(495)692-10-51/629-45-07
ФАКС: +7(495)629-92-96
WWW.INSTITUTEOFEUROPE.RU

**INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES**

125009, MOSCOW, MOKHOVAYA STR., 11-3
TEL.: +7(495)692-10-51/629-45-07
FAX: +7(495)629-92-96
WWW.INSTITUTEOFEUROPE.RU

Аналитическая записка №17, 2017 (№90)

Франция: смена парадигмы

Юрий Рубинский

доктор исторических наук, руководитель Центра французских исследований ИЕ РАН

Президентские и парламентские выборы 2017 года во Франции не только завершили очередной электоральный цикл и открыли новый. Нестандартный ход предвыборных кампаний и их результаты говорят о существенных изменениях всей партийной системы Пятой республики, правил игры и состава её политического класса.

Обе прежние системообразующие партии – республиканцы и социалисты, сменявшиеся у власти на протяжении последних десятилетий, потерпели сокрушительное поражение, которое ставит под вопрос их будущее.

Революция

Президентом республики стал 39-летний Эмманюэль Макрон – самый молодой глава государства в истории Франции после Наполеона Бонапарта. Его движение «Республика, вперёд!», созданное только в апреле 2016 г., получило абсолютное большинство депутатских мандатов в нижней палате парламента – Национальном собрании, обеспечив прочную поддержку назначенному президентом правительству Эдуарда Филипа для проведения в жизнь его программы.

Радикально обновился возрастной, гендерный и профессиональный состав депутатского корпуса, три четверти которого, как и сам президент, никогда прежде не избирались, а многие вообще не политики, а выходцы из организаций гражданского общества.

С авансены политической жизни ушли сразу три поколения представителей высшего звена политического класса, начинавшие свою карьеру 30-40 лет назад – бывшие президенты, премьеры, министры, парламентарии, партийные функционеры.

Британский еженедельник «Экономист», отражающий мнение международного бизнес-сообщества, не поколебался назвать эти перемены «второй французской революцией».¹ Это же слово – «революция» – избрал и сам Э. Макрон для названия его автобиографической и программной книги, которая вышла в свет за полгода до выборов в ноябре 2016 г.²

Реставрация

Между тем, применимость этого термина к последним событиям во Франции далеко не очевидна. Характерной особенностью богатой на революционные потрясения истории Франции всегда было правовое закрепление их итогов очередным вариантом основного закона, призванного придать легитимность новому режиму. Таких конституционных актов насчитывается более десятка.

Действующая Конституция 1958 г. и созданный на её основе президентско-парламентский режим никто не собирается отменять – к созданию новой, Шестой республики, призывают только отдельные политические маргиналы.³ Основные положения этой Конституции – асимметричный баланс между ветвями власти с перевесом в пользу исполнительной и ключевая роль президента как арбитра между ними, своего рода республиканского «монарха», остаётся в силе.

Преемственность берёт верх над переменами и в социальном профиле элит, где всегда, но особенно с 1958 г., доминировали кадровые чиновники-технократы. Формируемые в привилегированных учебных заведениях – парижском Институте политических наук, Политехнической, Высшей нормальной, Центральной школах, и особенно Национальной школе администрации (ЭНА), они приобретают солидный опыт службы в ключевых звеньях госаппарата – Госсовете, Счётной палате, Генеральной инспекции финансов, корпусе префектов, нередко переходят затем в частный сектор и завершают карьеру в политике.⁴

Именно такой жизненный путь прошли: новый президент Э. Макрон, премьер-министр Э. Филип, большинство его министров. «Это правительство экспертов, управленцев, менеджеров, чья компетентность не вызывает сомнений, но в их упряжке кто-то должен заниматься политикой – и это будет Макрон», – отмечает политолог Лоран Жаффрен.⁵

Таким образом, произошла не революция, т.е. слом прежнего государственного строя и смена типа общества, а, напротив, скорее, обратное – реставрация, возврат к

¹ France's next revolution. The Economist, 4.03.2017.

² Emmanuel Macron – Révolution. XO Editions, Paris, 2016.

³ Этот лозунг выдвигает, в частности, ультралевое движение «Непокорённая Франция» во главе с Жан-Люком Меланшоном.

⁴ Charles Debbasch. L'administration au pouvoir. Fonctionnaires et politiques sous la Ve République, 1969. P. 175.

⁵ Libération, 22.06.2017.

принципам, изначально заложенным в основу режима, путём его частичного обновления. Речь идёт в первую очередь о «президентиализации режима», укреплении несколько пошатнувшейся властной вертикали во главе с избранным всеобщим голосованием главой государства.

Эта задача вытекала из неутешительных итогов пребывания в Елисейском дворце двух предыдущих президентов – правого Николя Саркози (2007-2012 гг.) и левого Франсуа Олланда (2010-2017 г.). Всё связанное с их именами десятилетие прошло под знаком «Великой рецессии» – мирового финансово-экономического кризиса и его последствий, которые ограничивали до минимума свободу действий обоих.

Определённую роль при этом играли и субъективные факторы – особенности их характера и стиля правления. Амбициозный, эгоцентричный Саркози постоянно вмешивался в решение любых, даже второстепенных, вопросов через голову премьера и отдельных министров, чем заслужил ироническое прозвище «гиперпрезидента». Не украшали его и многочисленные расследования по поводу финансовых скандалов, наивное пристрастие к дорогим аксессуарам, самореклама, близость к богатым представителям делового мира.

В свою очередь Олланд, обещавший избирателям стать «нормальным» президентом – скромным, демократичным, внимательным к нуждам рядовых граждан – вызывал раздражение обратным: упорным уходом от ответственности за решение сложных проблем, постоянным лавированием между противоречивыми интересами в конфликтах, в том числе внутри правительства, как он привык делать это прежде в качестве первого секретаря соцпартии в течение 11 лет. Уважению к главе государства не способствовали и водевильные детали его личной жизни и излишняя, нередко вызывавшая скандалы, откровенность с журналистами.

Результатами оказались девальвация образа главы государства в режиме Пятой республики, «сшитого по мерке» её основателя генерала де Голля – недаром Саркози потерпел неудачу в попытке добиться переизбрания на второй срок, а Олланд не решился с учётом катастрофического падения рейтинга даже выдвинуть свою кандидатуру.

Перемены назрели

На этом фоне императивными требованиями к следующему, восьмому по счёту президенту Пятой республики становились: наличие убедительной программы и образ фигуры, способной объединить расколотое общество.

Поиски такой программы затруднялись высокими издержками пересмотра модели социальной рыночной экономики, сложившейся во Франции после Второй мировой войны. Её особенности: высокая доля госсектора в инфраструктурных отраслях (энергетика, транспорт, связь, кредит), накоплении и перераспределении финансовых потоков (ныне 57%), административное регулирование трудовых отношений, наличие одной из самых продвинутых в мире, но весьма дорогостоящей системы соцзащиты – здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, семейной политики.

В течение т.н. «славного тридцатилетия» (1946-1976 гг.) эта дирижистская, неокейнсианская модель оправдывала себя. Она обеспечила высокие темпы роста ВВП (порядка 4-5% в год), глубокие структурные сдвиги, превратившие Францию в одну из высокоразвитых индустриально-аграрных держав, полную занятость, открытие на внешний мир в рамках европейской интеграции.⁶

Однако с развёртыванием с середины 1970-х гг. коренной перестройки мировой экономики, толчком к которой стали резкие скачки цен на энергоносители и переход ведущих держав Запада к постиндустриальному обществу, французская модель подверглась суровым испытаниям. Жесткая административно-бюрократическая регламентация хозяйственной деятельности, условий найма и увольнения, тяжёлое бремя налогов и обязательных отчислений от прибыли предприятий в кассы соцстраха ухудшали инвестиционный климат, вели к оттоку капиталов и предприятий за рубеж.

Если во время «Великой рецессии» падение производства во Франции было вполне сравнимо со средним по ОЭСР, то после её окончания страна вступила в длительную полосу стагнации – среднегодовые темпы роста не превышали 0,6-1,2%.⁷ Между тем, с 1974 г. бюджетный дефицит не удавалось уложить в трёхпроцентную норму Пакта стабильности и роста ЕС, что вело к неуклонному разбуханию госдолга, достигающего ныне 97,4% ВВП. После 2014 г. с постоянным пассивом сводится и торговый баланс страны, что сокращает её долю в мировой торговле.

Главной социальной, а тем самым и политической, проблемой стала занятость: численность полностью безработных составляет 3,5 млн, а с учётом частично занятых 6,5 млн чел., т.е. 9-10% самодеятельного населения. Эти негативные симптомы воспринимаются как опасность утраты Францией её ранга одной из держав с глобальными интересами и ответственностью, символом чего служит место одного из пяти постоянных членов СБ ООН и «ядерного клуба».

Перспектива такого оттеснения во «вторую лигу» вызывает у французов крайне болезненную реакцию. За последние 10-15 лет книжный рынок заполнили многочисленные сочинения разных жанров, авторы которых сокрушаются по поводу, якобы, неизбежного «упадка» Франции, утраты ею былого величия, исторической миссии, образца и защитницы общечеловеческих ценностей прогресса, демократии прав человека.⁸

Это декадентское поветрие способствовало общему росту не только пессимизма, страха перед будущим, но и протестных настроений, сомнений в эффективности и справедливости существующих порядков. По оценке близкого к деловым кругам Института Монтеня, более половины французов – 57% – считают, что демократический режим во Франции работает плохо, причём три четверти – 74% – были склонны винить

⁶ См.: Ю.И. Рубинский. Франция. Время Саркози. «Международные отношения», М., 2011. С. 8-9.

⁷ *Economie française 2017*. OFCE, Edition la Déconverte, 2016.

⁸ Nicolas Baverez. *Reveille – vous!* Librairie Arthème Fayard, Paris, 2012; Eric Zemmour. *Le Suicide français*. Edition Albin Michel, Paris, 2014; Noël Mamère, Patrick Farbiaz. *Contre Zemmour. Réponse au Suicide français*. Les petits matins, 2014.

в этом своекорыстие и коррупцию выборных лиц, а 78% уверены в том, что страна вообще идёт в неверном направлении.⁹

Реакцией оказывались рост абсентеизма на выборах, голосования белым бюллетенем («против всех»), рост влияния на крайних флангах политического спектра популистских движений – ультраправого Национального фронта и левацкой «Непокорённой Франции». Их харизматические лидеры – Жан-Мари Ле Пен, затем его дочь Марин, с одной стороны, Жан-Люк Меланшон, с другой – апеллировали к протестному электорату: рабочим, служащим, части средних слоёв, молодёжи, – вынужденным нести неизбежные издержки процессов глобализации.

На протяжении последнего десятилетия удельный вес их электората неуклонно увеличивался. На выборах разного уровня – муниципальных, департаментских, региональных, европейских, наконец парламентских и президентских выборах – кандидаты НФ вышли на первое место, собирая до 27,5% голосов, а «Непокорённая Франция» – 11,5%. Причём мажоритарная избирательная система голосования в два тура ограничивала представительство обеих крайних партий в органах местного самоуправления и парламенте – в избранном в 2012 г. составе Национального собрания НФ был представлен всего двумя депутатами.

Однако распад электорального поля на три примерно равных сегмента по существу блокировал нормальное функционирование биполярного партийно-политического механизма. Как социалисты, так и республиканцы не могли более добиваться большинства за счёт голосов колеблющихся между ними центристских избирателей, как это бывало прежде. Отныне необходимым условием победы становилось для одних привлечение сторонников НФ, а для других – «Непокорённой Франции». Притяжение крайних флангов переносило центробежные тенденции внутрь обеих системообразующих партий, обостряя борьбу соперничающих течений и лидеров.

Новый лидер

Именно это объясняет сложные перипетии избирательных кампаний 2017 г. В первичных выборах кандидата на пост главы государства как у оппозиционных республиканцев (ноябрь 2016 г.), так и в правящей соцпартии (январь 2017 г.) верх одержали представители крайних течений: бывший премьер-министр Франсуа Фийон и бывший министр образования Бенуа Амон. Однако обоим оказалось не под силу объединить вокруг себя соперничающие течения собственных партий. Результатом явился крутой перелом – центробежная тенденция столкнулась с центростремительной, главным носителем которой выступил Э. Макрон и его движение «Вперёд!».

Своевременно покинув правительство социалистов и дистанцировавшись от своего прежнего покровителя – уходящего президента Олланда, чей рейтинг упал до исторического минимума (4%), Макрон позиционировал себя и свое движение как центр притяжения всех «прогрессистов» – сторонников реформ как слева, так и справа.

⁹ Le Monde, 08.11.2010.

Разумеется, это обрекало его на уклонение от каких-либо чётких обязательств – недаром в предвыборных речах кандидата постоянно присутствовало выражение «в то же самое время». Тем не менее, на фоне дискредитации и раскола обеих системных партий подобная эквилибристика приносила результат: в первом туре президентских выборов 23 апреля из 11 кандидатов на финише оказались четверо – Э. Макрон (94,1% или 8,8 млн голосов), М. Ле Пен (21,3%, 7,6 млн), Ф. Фийон (20%, 7,2 млн) и Ж.-Л. Меланшон (19,6%, 7,0 млн). Социалист Б. Амон остался далеко позади (6,8%, 2,9 млн).

Несмотря на минимальный разрыв между ними, выход во второй тур двух несистемных фаворитов сделал неизбежной коренную перестановку политических сил в стране: обе прежние системообразующие партии были впервые устранены из участия в борьбе за пост главы государства и, тем самым, теряли сам смысл своего существования.

Это подтвердил весь дальнейший ход событий: во втором туре 14 мая Э. Макрон, которого поддержали практически все бывшие лидеры республиканцев и социалистов, убедительно выиграл, получив 66,06% голосов избирателей, принявших участие в голосовании (20,7 млн), против 33,94% (10,6 млн) у М. Ле Пен.

Результаты президентских выборов предопределили месяцем спустя итоги парламентских, на которых абсолютное большинство мест – 308 из 577 – получила партия «Республика, вперёд!», к которой примыкают центристы и отколовшиеся от республиканцев и социалистов «конструктивные» депутаты. В новом составе Национального собрания её представители заняли основные руководящие посты.

В назначенном президентом правительстве во главе с бывшим мэром Гавра республиканцем Эдуардом Филипом тщательно сбалансированы мужчины и женщины, выходцы из обеих бывших системных партий и «новички» из организаций гражданского общества. Оно без труда получило вотум доверия: 370 голосов «за» (67 «против», 129 «воздержались»). Парламентская оппозиция, представленная республиканцами (112), остатками по существу распавшейся соцпартии (30), «Непокорённой Францией» (17), НФ (8) и т.д., лишена возможности оказывать реальное влияние на правительственную политику.

Смена моделей

Очевидно, что главной стратегической задачей президента становится модернизация прежней социально-экономической модели, неспособной более дать ответ на вызовы времени. Проект таких реформ был разработан ещё 10 лет назад по инициативе президента Н. Саркози комиссией экспертов во главе с Ж. Аттали, бывшим специальным советником Ф. Миттерана. Основные выводы её доклада, посвящённого устранению препятствий для экономического роста, сводились к ликвидации «ренды», т.е. статусных привилегий отдельных категорий экономических агентов, демонтажу бюрократической регламентации рыночных отношений, в том числе трудовых, обеспечению равновесия бюджета, торгового баланса и т.д.¹⁰ Характерно, что одним из докладчиков комиссии являлся молодой инспектор финансов Э. Макрон, которого именно Аттали представил следующему президенту-социалисту Ф. Олланду,

¹⁰ Jacques Attali. Urgences françaises. Edition actualisée. Pluriel, Paris, 2014.

назначившему его протеже заместителем генсека Елисейского дворца, а затем министром экономики и цифровых технологий. С тех пор тема «смены моделей» стала предметом широкой дискуссии среди французских экономистов, сравнивавших её достоинства и недостатки с германской.¹¹

Главными препятствиями для проведения этих идей в жизнь были: соперничество системных партий, вынужденных считаться с давлением популистов на крайних флангах, и сопротивление социальных категорий, чьи интересы были бы неизбежно затронуты. Примером последнего мог служить провал попытки правительства А. Жюппе уравнивать льготный пенсионный режим госслужащих транспорта с положением в частном секторе. Ответом стала трёхнедельная всеобщая забастовка, парализовавшая экономику страны накануне Рождества и заставившая власти отступить. С тех пор аналогичные пробы сил повторялись с переменным успехом ещё не раз и не исключены в будущем.

Этот опыт и привёл к запросу на переформатирование политического поля – преодоление традиционного водораздела на левых и правых, создание мощной группировки в центре, которая служила бы надёжной опорой главы государства.

Именно так позиционирует себя Э. Макрон, который претендует на мифологический образ Юпитера, верховного авторитета на Олимпе в пантеоне античных богов. Отсюда его решение ежегодно выступать перед совместным заседанием обеих палат парламента, планы сокращения на треть числа парламентариев, усиления роли организаций гражданского общества и т.д.

Приглашая к сотрудничеству представителей обновлённых политических элит, молодой президент не прочь обращаться через их голову и к рядовым избирателям. Эта тенденция уходит корнями в одну из прочных традиций французской политической культуры – бонапартизм, наследником которого в XX в. стало такое важное явление как голлизм. Разумеется, возможности Э. Макрона брать пример с великих предшественников покажет время и конкретные результаты его начинаний внутри страны и на международной арене, которые заслуживают особого анализа. Проблема в том, что президент стремится использовать их инструменты для достижения существенно иных, либерально-европейских целей.

Выводы

Очевидно, что Э. Макрона нельзя считать аутсайдером, который пришёл на вершину власти по случайному стечению обстоятельств, или послушным исполнителем закулисных «кукловодов» – французских или зарубежных. Э. Макрон, которому нельзя отказать в честолюбии, энергии, волевых качествах, эрудиции и известной харизме, является прежде всего классическим представителем традиционных французских административно-технократических элит с очевидной поправкой на давно назревшую смену поколений.

¹¹ Philippe Aghion, Gilbert Cette, Elie Cohen. *Changer de modèle. Les nouvelles idées pour une nouvelle croissance*. Odile Jacob, Paris, 2015; Christophe Blot, Odile Chagny, Sabine Le Bayon. *Faut-il suivre le modèle allemand? La documentation Française*, 2015.

Тем не менее, эйфория представителей либеральной элиты, воспринявших успех Э. Макрона как победу центристских тенденций над центробежными, а в международном масштабе – над национал-популистской волной, высшими точками которой были референдум о выходе Великобритании из ЕС и избрание Д. Трампа президентом США, вряд ли оправдана. Факторы, которые вызвали эту волну – издержки процессов глобализации или евростроительства – никуда не исчезли, они будут и впредь подпитывать протестные настроения, в том числе во Франции.

В этой связи весьма характерны данные опросов, согласно которым 50% французов признают у нового президента стремление к переменам, 49% – смелость, 48% – наличие качеств президента, 46% – личное обаяние. В то же время только 36% считают его честным, 30% – искренним и всего лишь 21% – понимающим их заботы.¹²

Прогнозы относительно успеха в решении задач, поставленных Э. Макроном, оптимальности способов, выбранных им для достижения этих целей, зависят не только и не столько от него самого, сколько от дальнейшего развития ситуации во Франции и в мире, которая, как показал опыт последних лет, становится всё менее предсказуемой.¹³

Дата выпуска: 14 июля 2017 года.

Материал доступен для скачивания по адресу: www.instituteofeurope.ru/publications/analytcs

¹² Harold James. The Renewal of Europe's Center? Project Syndicate, 12.06.2017.

¹³ См. Megan McArdle. The Dark Side to Macron's Bright Ideas in France. Bloomberg, Opinion, 10.07.2017.